

ўладар. Метафарычныя выразы, створаныя паэтам для рэпрэзентацыі паняцця *родная мова*, дапамагаюць выявіць асаблівасці нацыянальнай свядомасці і этнапсіхічныя адметнасці беларусаў як самастойнай нацыі, асаблівасці іх духоўнага свету, а таксама рэпрэзентуюць не толькі аўтарскую канцэптасферу, але і спецыфічную моўную карціну нашага народа.

Літаратура

1. Барадулін, Р. Амплітуда смеласці: І лірыка, і гумар / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1983. – 222 с.
2. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Р. Барадулін; Уклад., прадм., камент. М. Скоблы. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – 600 с.
3. Барадулін, Р. Евангелле ад Мамы : Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 462 с.
4. Барадулін, Р. Збор твораў : У 4 т. / Р. Барадулін; Прадм. Сёмуха В. С. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 2002. – Т. I–III.
5. Барадулін, Р. Ксты / Р. Барадулін. – 2-ое дапоўн. выд. – Мінск : Рым.-катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2006. – 528 с.
6. Барадулін, Р. Маўчанне перуна : Новая кніга / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 302 с.
7. Барадулін, Р. Міласэрнасць плахі: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 302 с.
8. Барадулін, Р. Неруш / Р. Барадулін. – Мінск : Беларусь, 1966. – 160 с.
9. Барадулін, Р. Самота паломніцтва: Кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 270 с.
10. Барадулін, Р. Трэба дома бываць часцей...: Выбр. старонкі лірыкі / Р. Барадулін; прадм. В. Быкава. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 352 с., [1] л. партр.

E.S. Dedova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

e-mail: honey.dedova@bk.ru

Metaphorical representation of the concept of native language in a poetic discourse by R. Baradulin

Key words: Belarusian language, metaphor, national and cultural meaning, poetry discourse, the native language.

The article is devoted to considers the metaphor as a means of representation of the concept of native language of the poetry discourse by R. Baradulin. Analyzes the metaphorical expression, through the semantics of which are manifested especially the spiritual world, national consciousness and etnapsihichnyya especially Belarusians as an independent nation.

УДК 821.161.1-31.09+929(Набоков Достоевский)

Е.В. Зайцева

Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко

e-mail: slavina23@yandex.ru

Ф.М. Достоевский в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь»

Ключевые слова: творческий метод, пародирование, эстетическая позиция, традиции, концепция.

Статья посвящена актуальной для набоковедения теме «Набоков – Достоевский». Рассматриваются интертекстуальные связи романа В.В. Набокова «Приглашение на казнь» с романами Ф. Достоевского, исследуются сходство и различие эстетической позиции и творческого метода Ф. Достоевского и В. Набокова, проводится анализ литературоведческих исследований по данному вопросу.

Написанный в берлинский период «за две недели восхитительного возбуждения и сдерживаемого вдохновения» роман В. Набокова «Приглашение на казнь» был впервые опубликован в 1935 – 1936 годах в парижских «Современных записках» и сразу вызвал волну критики. О романе писали В. Ходасевич, П. Бицилли, С. Осокин, Г. Адамович и др. П. Бицилли в статье «Возрождение аллегории» провел параллели между Набоковым и русскими писателями: Н. Гоголем, М. Салтыковым-Щедриным, Ф. Достоевским. Говоря о важности использования метода «родимых пятен», он подчеркнул, что сопоставляемые таким образом художники «как бы взаимно освещают друг друга, содействуют тому, чтобы мы могли увидеть, какие именно черты составляют... своеобразие их облика»[2, с. 603]. Кроме того, Бицилли пишет, что нашёл ключ к пониманию творчества В. Сирина: «То, что до сих пор казалось мне у него виртуозничаньем, шеголяньем словесным мастерством или, в лучшем случае, нерасчетливым расходом творческих сил – всё это представилось мне строго обусловленным общим замыслом, художественно оправданным и необходимым»[2, с. 606]. И здесь следует несколько слов сказать об эстетике В. Набокова, которая, по мнению исследователей, складывалась в отталкивании от повседневных тягот. Виртуозное владение словом было его инстинктом самосохранения, главное – мимолётная красота, эфемерность, виртуозная забава, обязательна бесполезность, игра, чистое изощрённое искусство. Это он относил и к литературе: «Литература – это выдумка. Вымысел есть вымысел. Назвать рассказ правдивым значит оскорбить и искусство и правду. Всякий большой писатель – большой обманщик, но такова же и эта архимошеница – Природа... Писатель только следует её примеру»[8, с. 38]. По мнению В. Набокова, художественное творчество самодостаточно и существует параллельно действительности, роман же равноправен с природой. В своих лекциях по зарубежной литературе он писал: «Нужно всегда помнить, что во всяком произведении искусства воссоздан новый мир, и наша главная задача – как можно подробнее узнать этот мир, впервые открывающийся нам и никак напрямую не связанный с теми мирами, что мы знали прежде. Этот мир нужно подробно изучить – тогда и только тогда начинайте думать о его связях с другими мирами, с другими областями знания»[8, с. 33]. В своём творчестве Набоков отбрасывал и нравственную, и познавательную ценность искусства, оставляя только наслаждение, которое дарит читателю гениальный обманщик, сочинитель каламбуров, головоломных трюков и небылиц.

А. Злочевская считает, что истоки творческого метода В. Набокова восходят к концепции фантастического реализма. Основные принципы этой концепции, по её мнению, сформулировал ещё Ф. Достоевский: «Надо изображать действительность, как она есть», – говорят они, тогда как такой действительности совсем нет, да и никогда на земле не бывало, потому что сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства; стало быть, надо дать поболее ходу идее и не бояться идеального... Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность»[4, с. 75–76]. По словам Ф. Достоевского, для него сущность действительного состоит в том, что для большинства является фантастическим и исключительным. Мистическим реалистом назвал Ф. Достоевского Н. Бердяев.

При всём различии эстетических позиций двух писателей, можно отметить некоторое сходство. Для Ф. Достоевского и для В. Набокова цель искусства – создание новой реальности, проникновение в некую сущность вещей, за видимую поверхность жизни. В интервью А. Аппелю В. Набоков признавался, что, в его представлении, ещё не написанная книга существует в каком-то инормизмерении, «порой прозрачном, порой призрачном». И задача художника состоит в том, чтобы как можно точнее «свести из неё на землю» всё, что возможно в ней различить. И хотя В. Набокову не было свойственно религиозно-

христианское миропонимание Ф. Достоевского, всё же бытие человека и мира для него не ограничивалось только видимой, физической действительностью.

По мнению исследователей, наиболее ярко метод фантастического реализма иллюстрирует роман «Приглашение на казнь», который полон отсылок к Ф. Достоевскому.

Тема преступления и наказания в романе В. Набокова как бы перевернута. Если у Ф. Достоевского герой бросает вызов себе и обществу, совершая страшный, бесчеловечный поступок, за который несёт наказание, то у В. Набокова порочное общество уничтожает личность, совершая бесчеловечное преступление. А самоглавие – «Приглашение на казнь» – почти анаграмма «Преступления и наказания». Не таким, как большинство, считает себя главный герой Ф. Достоевского, особенным является герой В. Набокова, который и приговорен к отсечению головы за эту «особость», за непрозрачность. Цинциннат Ц. окружён карикатурными героями, тюремными начальниками, которым В. Набоков даёт имена, заставляющие вспомнить героя Ф. Достоевского Родиона Романовича Раскольникова: Родион (тюремщик), Роман Виссарионович (адвокат), Родриг Иванович (директор тюрьмы).

Узника ублажает администрация тюрьмы, обслуга в остроге показательно любезна, что снова напоминает роман Ф. Достоевского, в котором обходительный и любезный следователь Порфирий Петрович до поры до времени позволял наслаждаться свободой студенту Раскольникову. Дирекция каземата желает, чтобы осуждённый побратался со своим палачом, палач и жертва соединились. Ситуация, в которой палач – антагонист и союзник, наблюдается в романе Ф. Достоевского, где Порфирий Петрович выступает своеобразным двойником Родиона Раскольникова (он сам мог бы оказаться на месте дерзкого экспериментатора-студента).

В романе Ф. Достоевского «Идиот» «положительно прекрасный человек» оказывается в глазах окружающих нелепым, юродивым, идиотом, в котором всё «исковеркано». В романе В. Набокова непохожий на других своей непрозрачностью человек «приглашается на казнь». Цинциннат напоминает князя Мышкина своей «плотской неполнотой»: «Всё в нём дышало тонкой, сонной, – но, в сущности, необыкновенно сильной, горячей и своеобытной жизнью: голубые, как самое голубое, пульсировали жилки... трепетала кожа на щеках, на лбу, окаймлённом растворённым светом ... и так всё это дразнило, что наблюдателю хотелось тут же разять, искромсать, изничтожить нагло ускользающую плоть и всё то, что подразумевалось ею, что невнятно выражала она собой, всё то невозможное, вольное, ослепительное» [9, с. 69]. Цинциннат Ц., подобно князю Мышкину, «невинный простофиля», «ребёнок», «точно даже и не мужчина». Любовь его к Марфиньке, как и любовь князя Мышкина к Настасье Филипповне и Аглае, – платоническая, в основе которой лежит желание духовного единения.

Тема казни является сквозной в романе «Идиот»: о казни говорит князь Мышкин, впервые появившись в доме Епанчиных, позже он возвращается к этой теме в разговоре с Аглаей, рассказывая историю о последних минутах перед несостоявшейся казнью.

Мотив публичной казни как жестокого фарса выбран В. Набоковым не случайно. Известно, что к казни Ф. Достоевского был причастен предок В. Набокова генерал И. Набоков, бывший комендантом Петропавловской крепости, куда был заключён проходивший по делу петрашевцев Ф. Достоевский. Об этом факте В. Набоков говорит в своей лекции о Ф. Достоевском. «Во время предварительного следствия он находился в Петропавловской крепости, где начальником был генерал Набоков, мой предок. (Переписка между генералом Набоковым и Николаем I об этом заключённом довольно забавна.) Приговор оказался суровым – восемь лет каторги в Сибири (этот срок позднее сократили вдвое). Перед тем как приговорённым зачитали окончательное решение суда, с ними разыграли до предела жестокий фарс: объявили, что их ждёт смертная казнь, привели на плац, раздели до белья и первую партию узников привязали к столбам.

И лишь затем зачитали настоящий приговор. Один из приговорённых сошёл с ума. Переживания этого дня оставили глубокий след в душе Достоевского и никогда не изгладилась из памяти» [7, с. 144 – 145].

В «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского» указывается, что проект приговора предусматривал «маршрут из крепости на место казни, размеры эшафота, мундиры казнимых, облачение священника, темы барабанного боя, преломление шпаг над осужденными и облачение их в белые рубахи, функции палача, заковка в кандалы» [6, с. 173]. В тексте романа В. Набокова об этом напоминают некоторые «официальные формы, которые надо соблюдать»: духовой оркестр и экипаж, который должен отвезти узника на Интересную площадь, «руководитель казни – в красных лосинах» [9, с. 102]. Кляча, везущая Цинцинната на казнь, очень похожа на лошадь из романа «Преступление и наказание», которую видел во сне Родион Раскольников. Это «была гнедая кляча, оскаленная, с блестящими, чёрными от мух ссадинами на острых выступах бёдер... у неё была красная лента в гриве... Родриг, который был за кучера, хлопнул длинным бичом, лошадь дёрнула, не сразу могла взять и осела задом. Некстати раздалось нестройное «ура» служащих... Приподнявшись и наклонившись вперёд, Родриг стеганул по вскинутой морде...» [9, с. 124]. У Достоевского: «Все лезут в Миколкину телегу... Берут с собою одну бабу, толстую и румяную. Она в кумачах... Клячонка дёргает изо всей силы, но...только семенит ногами, крихтит и приседает от ударов...» [3, с. 58]. «... По морде её, по глазам хлещи, по глазам!» – кричит Миколка...» [3, с. 59], вместо «ура» все подхватывают песню, кляча после очередного удара «оседает всем задом». И даже масть «гнедой клячи» В. Набокова идентична «саврасой клячонке» Ф. Достоевского (согласно словарям, «саврасая» – «светло-гнедая», и та, и другая обычно с чёрным хвостом и чёрной гривой).

Набоков иронично обыгрывает часто используемый Достоевским эпитет «кроткий» (который был одной из характеристик Сони Мармеладовой и дал название повести Ф. Достоевского). На стенах камеры Цинцинната написаны правила для заключённых, одно из которых гласит: «Кротость узника есть украшение темницы» [9, с. 27], назван «кротким» даже мсье Пьер.

В одной из финальных глав романа главный палач, тот самый мсье Пьер, вдруг оказывается Петром Петровичем (как тут не вспомнить персонажей Ф. Достоевского: Петра Петровича Лужина и следователя Порфирия Петровича).

Заключительных строки романа повествуют о том, как рушится двухмерный «плоский» мир Цинцинната, и будто по упавшим декорациям «Цинциннат пошёл среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему» [9, с. 130]. Для В. Набокова смерть – это лишь момент перехода в инобытийную реальность или начало чудесной метаморфозы (подобной рождению бабочки). В «Приглашении на казнь» бессмертие неоспоримо. И здесь В. Набоков, несмотря на различия философского и поэтического мышления, как никогда близок к Ф. Достоевскому.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Бердяев о русской философии. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1991. Ч. 1. – 288 с.
2. Бицилли, П. М. Возрождение Аллегии / П. М. Бицилли // Классик без ретуши : литературный мир о творчестве Владимира Набокова. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 688 с.
3. Достоевский, Ф. М. Собр. соч. : В 12 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1982. – Т. 5. – 544 с.
4. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : В 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972 – 1990. – Т. 21. – 552 с.
5. Злочевская, А. В. Художественный мир Владимира Набокова и русская литература 19 века / А. В. Злочевская. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 185 с.

6. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821 – 1881. – СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1993. – Т. 1. – 536 с.
7. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе/ В. В. Набоков; пер. с англ. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 384 с.
8. Набоков, В. В. Лекции по зарубежной литературе/ В. В. Набоков; пер. с англ. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 480 с.
9. Набоков, В. В. Собр. соч.: В 4 т. / В. В. Набоков. – М : Правда, 1990. – Т. 3. – 480 с.

E.V. Zaytseva

Luhansk national University named Taras Shevchenko

e-mail: slavina23@yandex.ru

F.M. Dostoevsky in the novel by V.V. Nabokov «Invitation to a beheading»

Key words: creative method, parody, aesthetic position, traditions, concept.

The article is devoted to the topical theme of Nabokov – Dostoyevsky. Examines the intertextual relations of the novel of Vladimir Nabokov "Invitation for punishment" with the novels of F.M. Dostoevsky examines the similarities and differences between aesthetic positions and creative method of F.M. Dostoevsky and Vladimir Nabokov, analyzes the literary research on this issue.

УДК 811.161.1-26'271.2:821.161.1-14

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: irinazaj91@mail.ru

Лирика В.В. Набокова: к вопросу о межкультурной языковой личности

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая личность, лирическая структура, национально-культурный символ, художественный образ.

В статье на материале лирического творчества Владимира Набокова (стихотворений, написанных как на русском, так и на английском языках) продемонстрирована обращённость поэта к нескольким культурам – прежде всего русской и английской, – в рамках которых он сформировался и как личность, и как мастер художественной словесности, в том числе и поэт-лирик. Анализ лирических произведений писателя не оставляет сомнений в том, что в своём поэтическом творчестве он активно использует лингвокультурный потенциал привлекаемых языков, создавая в результате весьма яркие и запоминающиеся читателем образы.

Восприятие окружающего нас мира протекает не пассивно, а сквозь призму целого ряда «фильтров»: свойственных личности систем философских взглядов, религиозных верований, культурных традиций, нравственных ценностей и убеждений и многих других факторов, в том числе и предрассудков, стереотипов и под. «Характер картины мира коммуниканта зависит от того, каким образом в ней уравниваются универсальный, культурно-специфический и личностный компоненты. С точки зрения межкультурной коммуникации, картина мира человека, родившегося и прожившего всю свою жизнь в небольшом городке или деревне, будет существенно отличаться от картины мира индивида, привыкшего путешествовать по свету и регулярно совершать трансконтинентальные перелёты» [2, с. 120].

Писатель Владимир Владимирович Набоков, помимо славы талантливого писателя, приобрёл известность и как личность, воплотившая в себе качества практически пол-